

Евгений ЕВТУШЕНКО

***

В деревушке Костромской губернии
в декабрых был снег так серебрист,
и под песни девушек вечерние
плакал барин-полудекабрист.

Никакого ни к чему хотения
к смерти не осталось у Катенина.
В декабристах, правда, смерть страшной.
В полудекабристах жизнь тошней.

Убеждая братию солдатскую,
сколько раз во сне и во хмелю
шел он запоздало на Сенатскую,
а потом на плаху под петлю.

Двадцать восемь лет, полупомешанный,
сам себя казнил не напоказ.
Двадцать восемь раз, полуповешенный,
он срывался двадцать восемь раз.

Но опять его тащили, втискивая
в царскую веревку головой,
а веревка склизкая, российская
оставалась все-таки гнилой.

Не спасала душу и поэзия.
Он в бреду выхрипывал в ночи:
«Я прошу, чтобы меня повесили
раз и навсегда — уме-ю-чи...»

Муза на Руси — венок ромашковый
и петля пеньковая стыда.
Неразочарованных романтиков
нет и быть не может никогда.

Павел КАТЕНИН

1792, усадьба Шаёво
Костромской губернии —
1853, там же

Разочарованный романтик декабризма. Противник крепостничества из старинного рода дворян-крепостников. Отверженный властью и не очень признанный теми, кто боролся против нее. Сражался за Отечество на Бородинском поле, а потом — с отечественной цензурой. В 1816 году вступил в Союз спасения, но, когда на его месте возник Союз благоденствия с менее определенной программой действий, навсегда вышел из политических организаций.

В 1822 году был выслан из Петербурга по личному распоряжению Александра Первого. Ссылка могла быть оправданием того, что он не был на Сенатской площади, да и решение там не быть он принял уже шесть лет назад. Но всю оставшуюся жизнь его терзали сомнения: был он прав или нет? Его неуверенность в себе заражала и других неверием в него, притягивая неудачи, как магнит.

Вернувшись из ссылки через три года, Катенин оказался весьма неудачливым прожектером — ему не удалось стать ни знаменитым драматургом (провал трагедии «Андромаха»), ни журналистом, а стихи печатались еле-еле, и существовать на них было невозможно. Катенин не обладал самобытной поэтикой, но по уровню гражданского сочувствия был настоящим поэтом. Со-чувствие превращает зрение в прозрение.

Новая затянувшаяся война в Чечне плеснула иным светом на полузабытый катенинский сонет «Кавказские горы», и сейчас он оказался прозрением, в которое еще не поздно вдуматься.

В 1827 — 1832 годах и с конца 1830-х жил в своей костромской усадьбе Шаёво. Его близкие говорили, что до самой своей смерти в течение почти трех десятилетий после казни декабристов он мучился бессонницей в каждом декабре.

Кавказские горы

Сонет

Громада тяжкая высоких гор, покрытых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уроdlивая складь бесплодных камней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Ряд безобразных стен, изломанных, изрытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих паdеру оравую густой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красоты, с каких ты пор славна?
Творенье Божье ты иль чертова проказа?
Скажи, проклятая, зачем ты создана?

Конец 1834

«Все они красавцы, все они таланты...»

Александр ОДОЕВСКИЙ

1802, Петербург —
1839, форт Лазаревский на Кавказе

Из старинного княжеского рода. Служил в лейб-гвардейском Конном полку. Один из самых юных героев Сенатской площади. Из тех, кого в заговор вовлекла не жажда мести и власти, а возмущенное свободолюбие. Пылкая душа его возмущалась привычкой России к рабству, к произволу. Тогда почти все люди его круга писали стихи — ведь стихосложение преподавалось в обязательном порядке. Но никто, конечно, не преподавал упражнений на тему восстания против несвободы. К ним, того не осознавая, подталкивала сама отечественная тирания, особенно болезненно воспринимаемая поколением Одоевского, с детства хлебнувшим воздуха победы над тиранией иностранной.

Гражданские стихи князя-мятежника перешли в поступки, похожие на безрассудно искренние стихи. Он не мог не сблизиться с Бестужевым, Кюхельбекером, Рылевым, не мог не вступить в Северное тайное общество. Такова была логика неизбежно самоубийственного романтизма. Одоевского не казнили, но он отсидел год в одиночке Петропавловской крепости. Затем был отправлен в кандалах на каторгу в Читинский острог, проработал кайлом и лопатой почти шесть лет. Еще пять лет провел в Сибири на поселении, после чего определен рядовым на Кавказ, в тот самый полк, куда был послан и Лермонтов.

Опальный поручик посвятил памяти Одоевского стихи, свидетельствующие, что легендарный герой 14 декабря после стольких испытаний сохранил «И звонкий детский смех, и речь живую, И веру гордую в людей и жизнь иную». Можно предположить, что они были знакомы заочно еще до личной встречи, ибо трудно представить, что Одоевский мог не знать «Смерть поэта», а Лермонтов — знаменитых строк Одоевского: «Наш скорбный труд не пропадет, Из искры возгорится пламя...».

Сейчас повелось дегероизировать героев нашей истории, включая и декабристов. Не заподозрите в этом и меня, когда я с горечью вспоминаю тех декабристов, которые стояли за убийством царя и его семьи. Но не стоит забывать, что декабристы были очень разные. Князь Александр Одоевский был одним из лучших, не заслуживающих цинической уцененности. Песня Юза Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой ученый...», при всем блатном остроумии: «...вот здесь из искры развели пламя — / спасибо вам, я греюсь у костра», не является «прикольным вердиктом» не менее гениальному ответу Одоевского на гениальное послание Пушкина «Во глубине сибирских руд...».

Правда, у Одоевского есть один любопытный неуклюжий, но, к сожалению, пророческий глагол о будущей свободе: «Она нагрянет на царей...». Свобода действительно нагрянула, но не только на царей, чего тоже было бы человечней избежать, а и на тех, кто боролся за свободу. Это случилось за короткий срок уже дважды — и в 1917 году, и в 1991-м, после того как, никого не спрашивая, в пьяном беловежском вдохновении развалили Советский Союз банными вениками. Князь-декабрист Одоевский своим странно агрессивным глаголом «нагрянет» инстинктивно предсказал опасно непредсказуемую природу свободы.

Лермонтов с пронзительной простотой определил трагедию Одоевского: «...И свет не пощадил — и Бог не спас!». Я рискнул оставить рядом с несравненными стихами Лермонтова «Памяти А.И. Одоевского» свою, по всем статьям уступающую поэтическую зарисовку лишь потому, что мне хотелось добавить и сегодняшнюю ноту понимания горьких и все-таки незабываемых уроков разгромленного декабризма.

Бал

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младае за четой;
Одежды роскошью блестяи,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, серебряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза — весь согрогулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Слетаясь, толпаясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружась, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

***

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, барг! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829 (?)
Чита

Евгений ЕВТУШЕНКО

Цветы в кандалах

Свобода грубо, грязно и неграмотно
к нам, как землетрясение, нагрянула
(так предсказал в стихах князь-декабрист).
Вы были юны, Александр Одоевский.
Предсказывать есть риск, но не без доблести.
Не слушать предсказаний — больший риск.

Предсказывали Достоевский, Оруэлл.
Мы заглушали маршами и хорами
увещеванья роковые их...
Мы все — гетсэд неслушания стадного,
бессмысленного бунта, беспощадного.
Мы все — дантесы пушкиных своих.

Одоевский, как младший Саша-Сашенька,
брел еле-еле, хоронимый заживо,
но под кандалы клали замок
одна из баб, конвойными отогнанных,
вложила пук сарапок нежно огненных,
чтоб кандалы в кровь не стирали ног.

И князь послал рукою ей по-тихому
на каторге невиданный, неслыханный
воздушный поцелуй, не поленясь.
Конвойный буркнул: «Чой-то не по-нашенски».
Мокрушник-вор вздохнул: «Зато по-княжески».
Теперь я верю в то, что это князь!»